

ОБОБЩЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ФИЛОСОФСКОГО И НАУЧНОГО ОБРАЗОВ ЖИЗНИ

В статье рассматриваются особенности философского и научного образов жизни. Представляются их основные характеристики и возможности проявления.

Данное исследование входит составной частью в изучение комплексной проблемы философского образа жизни.

Ключевые слова: научный образ жизни, философский образ жизни, эпистемологический процесс, аксиологические параметры.

У статті розглянуто особливості філософського й наукового способів життя. Подано їхні головні характеристики й можливості прояву.

Це дослідження входить складовою частиною у вивчення комплексної проблеми філософського способу життя.

Ключові слова: науковий спосіб життя, філософський спосіб життя, епістемологічний процес, аксіологічні параметри.

The article considers features of philosophical and scientific ways of life. Their main characteristics and possibility of manifestation are discussed.

This study is part of the study of the complex problem of the philosophical way of life.

The keywords: scientific way of life, philosophical way of life, epistemological process, axiological parameters.

Актуальность. Сравнительный анализ философского и научного образов жизни, проведенный в одной из предыдущих статей, требует обобщения. Оно поможет выявить не только их схожесть и отличия, но и покажет возможности оптимизации каждого из них.

Важной выступает тенденция взаимопроникновения философских и научных компонентов во многие сферы общественной жизни. Соединяясь, они создают новые формы познавательности (например, в сети Интернет). В этом случае появляются и возможности противостоять информационному перегрузу, формируя навыки специфического отбора и классификации нужных знаний.

Поэтому научное и философское видение мира, не теряя своей уникальности, в тандеме усиливает эпистемологические параметры современной эпохи.

Степень изученности проблемы. Как упоминалось ранее, аспекты этой проблемы рассматривались целым рядом авторов (Е. Парнов, Д. Блохинцев, Т. Кун, Г. Башляр, Дж. Бернал, М. Малкей, Г. Волков, В. Налимов, В. Максимов, Е. Мирская, В. Соковнин, Р. Сигер и др.). Однако вопрос о соотношении философского и научного образа жизни остался нерассмотренным. Представляется продуктивным углубление познания в этом направлении.

Учёный создает своим творчеством особое научно-ориентированное пространство и креативную среду, которые помогают обеспечить оптимальность

режима деятельности, интеграцию коллективных усилий научных сообществ, возможность координировать действия многих научных работников.

Философ также формирует специфические условия для своей жизнедеятельности. Однако он менее зависим от формально-организационных факторов научных объединений, более свободен в выборе тематики исследований и стилистике выражения себя.

Цель статьи. Обобщение результатов сравнительного анализа философского и научного образов жизни, выявление системообразующих элементов их функционирования.

Изложение основного материала исследования. Во все времена лучшие образцы организации образа жизни в науке и философии демонстрировали большое количество самых привлекательных человеческих черт, являлись образцами ценностной преданности для целесообразной поисковой деятельности.

Необходимо учитывать, что исторически научный образ жизни базировался на опыте философского образа жизни мыслителей, накопленном в цивилизованных странах на протяжении многих веков. Сюда следует отнести: следование истине, преданность исследовательскому и экспериментальному поиску, равнодушие к проблемам человечества, альтруизм, эрудированность, педантичную работу над собой, стойкое стремление не изменять своим мировоззренческим принципам, самостоятельное структурирование собственной жизни. Тем не менее, важно отметить, что гармоничными людьми представителей науки и философского знания вряд ли можно назвать. Во имя своих эпистемологических интересов они нарушали меру, требуемую для личностной соразмерности. Будучи поглощенными мыслями о предмете изучения, они всё остальное низводили на ранг ниже. В угоду приверженности науке и философии они часто пренебрегали здоровьем (семья Кюри), свободным временем, запросами близких, материальными благами (Сократ, Диоген, Спиноза), комфортом, режимом работы и отдыха (Демокрит, Л. Витгенштейн), отношениями со своими детьми (А. Эйнштейн, Ж. Ж. Руссо), безопасностью и иными жизненными потребностями. В истории науки известны факты проведения экспериментов за свой счет, когда не хватало государственных средств, испытания медиками вакцин и лекарств на себе, привития штаммов болезненных вирусов, чтобы точно установить ход малоизученных болезней (С. Боткин, Л. Пастер).

Р. Винер вел речь о существовании инстинкта любознательности у всех людей, но особенно развитого у великих мыслителей. Действительно, ребенок, вступая в жизнь и осваивая окружающий мир, мучается бесчисленными вопросами. Постигая истину, задает нескончаемые «почему». Наука еще не дала на этот счет однозначного ответа, и не объяснимых до конца примеров существует много. Так, Леонардо да Винчи с детства мечтал летать. И в период учебы во Флоренции построил первую модель парашюта. Спустился на нем с колокольни святого Марка во время карнавала, напугав ряженых. За это, по приказу папы Римского, был отправлен в ссылку и отбывал наказание на Севере Италии, где увлекся астрономией. Наблюдал за движением планет в обсерватории известного астронома Джакомо Ранти. Там же гений Возрождения впервые задумался о космическом полете и вычислил формулу

космического топлива. В дальнейшем, моделируя летательные аппараты, стремился покорить небо. Думается, здесь уместнее вести речь не только об инстинкте любознательности как врожденном качестве необычайного диапазона действия и проявления, а помнить об атмосфере отчуждения в семье, постоянно царившем негативном отношении к подростку. Агрессия к нему как незаконно рожденному сыну лишала душевного равновесия, покоя, ощущения защищенности и детского счастья. Резкости и оскорбления мачехи, злость и козни «законных детей», постоянные угрозы со стороны окружающих породили мечту о небе как воплощении чистоты, счастья и безмятежности. Наблюдая за полетом птиц в солнечном итальянском небе, великий гуманист мечтал о свободе, об освобождении от пут всеобщего презрения, что и сформировало потребность в уединении, в научных изысканиях, философских раздумьях, художественном воплощении красоты и мудрости.

Для нас важно учитывать ярко выраженную конкретность мышления у ученых. Их участие в постоянном экспериментальном процессе требует длительной сосредоточенности на конкретном предмете изучения. Увлеченность разрабатываемой проблемой предписывает частое общение с коллегами. Научный работник не может существовать в коммуникативном вакууме. На современном этапе коллективной деятельности как более продуктивной, чем индивидуальная, невозможно обойтись без новых средств непосредственного и опосредованного общения. В последние века в практику вошли издания книг, журналов, дайджестов, участие в коллоквиумах, конференциях, симпозиумах, дискуссиях, обмен информацией на электронных носителях, в Интернете. Р. Винер постоянно ратовал за множественность научных встреч, считая, что без обмена мыслями с другими учеными невозможно плодотворно заниматься наукой. В его понимании динамическое равновесие между общением и обособлением в научных отношениях много значит на современном уровне развития научной сферы. Перспективно учитывать, что узкая специализация ученых XXI века действительно нуждается не только в широкой коммуникативной системе, солидной общей культуре деятеля науки, но и философичности его мышления для более глубокого осознания аксиологических парадигм научного знания, взаимовлияния все большего числа синтетических наук, возникновение новых интегрирующих идей [2, с. 125].

Как известно, отношение – это связь и обособление. Если у ученых в образе жизни в большей мере присутствует связь – общение, то у философов – обособление. Последние в силу абстрактности мышления, своеобразия предмета анализа предпочтительно погружены в свой индивидуальный эпистемологический мир. По словам К. Маркса, каждый из них выращивает экзотические цветы на своей грядке. Философы не лишены общения, но оно у них в значительной мере ситуативно, менее постоянно и регулярно. Открытые длительные личные дискуссии в истории культуры характеризовали не только научную сферу знания (А. Эйнштейн – Н. Бор, Н. Тесла – Т. Эдисон), но и философскую (Платон – Диоген, Лейбниц – Локк, Кант – Гердер [3, с. 99–117]), но последние были довольно редки.

Абстрактность мышления, преобладающая у философов, в большей мере

порождает футурологичность видения процессов бытия. На ранних этапах формирования капитализма футурологических проектов было немало – Л. да Винчи, Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ф. Бэкона и других. Так, в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкон описал свое предвидение появления телефона, телескопа, магнитофона, «моделей» птиц, животных, людей. Таким образом, он предвосхитил один из принципов кибернетики. А затем на своих последующих этапах развивающаяся наука воплотила эти футурологические идеи. Одновременно и философия осмысливает открытия, изобретения, нацеливая исследователей на дальнейшие достижения. Но всегда и науке, и философии присуще отрицание псевдоценностей, проявлений антикультуры, всемерное способствование конструктивной активности общества, адогматизму мышления, оправданию добра, могуществу вдохновения, росту эвристического потенциала. Подобным реакциям споспешествует ориентир и философского образа жизни на создание стойкого климата спокойствия, душевного равновесия, рационального распределения времени, продуктивного распорядка дня. Очень результативно, когда родные и близкие мыслителей, ученых организовывали повседневную атмосферу семьи так, чтобы обеспечить доброту в общении и отношениях, постоянную работоспособность, оптимизм, бодрое настроение; стремились оградить их от бытовых проблем и мелочей. К. Гельвеций сообщает подобный факт: однажды в кабинет к ученому Бюде вбежал испуганный лакей и сообщил, что в доме пожар. «Ну, хорошо, – ответил тот, – предупредите мою жену; я не вмешиваюсь в хозяйственные дела» [2, с. 405–406].

В семьях у Т. Мора, С. И. Вавилова, В. И. Вернадского, К. Ясперса [1, с. 485], А. Швейцера [6, с. 286–288] жены чаще всего не только оберегали их от бытовых беспокойств, но и помогали в переписывании трудов, корректировке текстов, переводах, издании работ.

Психологи установили, что озабоченность житейскими сложностями, обеспокоенность бытовой неустроенностью, тревожность, сниженное настроение плохо влияют на умственную деятельность. Установлено, что если у рабочих в таких случаях падает производительность труда на 15–20%, то у интеллектуалов на 40–45%.

Отметим, что в большинстве случаев ученые и философы в условиях капитализма стали создавать свои семьи в более поздний период. На более ранних исторических этапах им не удавалось этого по многим причинам: некоторые были против брака, считая, что он мешает творчеству, снижает научную и философскую самоотдачу. Другие – из-за сложного характера своей деятельности, преследований властей. Они не хотели ставить под угрозу жизни близких. Иные – не могли найти спутницу из-за невозможности в прежние времена женщинам получать полноценное образование.

Подводя итоги, важно отметить, что скрупулезная научная деятельность требует соответствующих социальных условий: финансового обеспечения, наличия необходимого оборудования, подходящих помещений, штата сотрудников и помощников. Большое значение имеет эрудированность ученого, что существенно сокращает объем поиска, высокая квалифицированность уменьшает затраты труда и энергии. Будущая творческая перспективность ученого зависит от того, как его

обучали, кто был у истоков научной карьеры, кто обеспечивал грядущую многогранность его талантов.

Кроме всего указанного, ученому необходимо колоссальное мужество, чтобы выдержать удар при получении отрицательного результата после многолетней экспериментальной работы, при расхождении исходных основ научной гипотезы, ожидаемых итогов и состоявшегося разочарования. Духовно-нравственная стойкость поможет ему не опустить руки и начать все сначала.

Также каждому творцу нужно было вырабатывать свой арсенал средств, помогающий оптимизировать эвристический процесс. Учитывая свои психологические особенности, находить пути выхода из временного интеллектуального или эмоционального тупика. Сравнительно простые задачи не требуют особого перенапряжения душевных и духовных сил. Сложные – могут вызывать длительные периоды продуктивного состояния. Но пассивность не рациональна в данном случае, вызывает глубокие переживания, доводящие до депрессии. В связи с этим многие из модуляторов нового по-разному отвлекались от основного занятия, отдалились от непосредственной вовлеченности в творческий процесс. Кто-то при креативных затруднениях часами шагал из угла в угол своего кабинета, кто-то брался за музыкальный инструмент, кто-то поливал цветы в саду или на подоконнике или делал зарядку. Д. Менделеев в подобных случаях ложился спать или брался за изготовление чемоданов (чем очень славился на весь Петербург). Так, И. Брамс шел мыть и чистить обувь. Э. Хемингуэй уединялся в туалете, где у него была своя полка с любимыми книгами. А. Шопенгауэр «заедал» временные трудности сладостями, будучи необыкновенным сладкоежкой. Психологи иронично называют это состояние «творческой ленью». На самом деле – это сигнал организма о переутомлении, необходимость уйти в «боковое мышление», несколько отстранившись от активного поиска для дальнейшего повышения результативности в основном виде деятельности.

В целом и философская деятельность характеризуется подобными требованиями. И здесь возможны глубокие разочарования в результатах, временная утрата интеллектуальной активности, востребованность длительного периода для высокой теоретической подготовленности, знание научных и философских достижений не только в рамках своей области рефлексирования, но – и в смежных. Отметим высокий уровень взыскательности к себе и преподавательской ответственности у австрийского философа Л. Витгенштейна. Он тяжело переживал, бурно разочаровывался по поводу результатов чтения своих лекций в Кембридже. Во все годы его преподавания лекционные занятия были выявлением мыслительной лаборатории по разработке совершенно новых проблем, по формулированию постигаемых истин. По-видимому, его креатив наиболее продуктивно выявлялся во время проговаривания интересующей темы. Часто обдумывания какого-то положения вызывало в речи довольно длительную паузу. В это время философ был особенно напряжен и собран. Сами занятия в большей мере носили характер бесед, требующих и от слушателей тщательного аргументирования, словесного обоснования своих вопросов, позиций и сомнений. Материал, излагаемый философом, предписывал аудитории большие

умственные усилия для его усвоения. Многие не выдерживали предельно сильного интеллектуального прессинга, длительно утомляющего внимания и переставали посещать его лекционный курс. Сам Л. Витгенштейн после окончания занятий был в полном изнеможении, удручался чувством отвращения, мучился презрением к себе. Он считал, что процесс решения проблемы не был результативным и поставленные задачи достойно не вердиктировались, проявление истины не состоялось. После чрезвычайно утомительной, предельной концентрации психики, бурной активизации творческих способностей он находил психологически приемлемый выход от изнурения и большого неудовольствия собой в том, что с кем-то из друзей тотчас шел в кино [4, с. 35]. Испытывая большое чувство голода после длительного интеллектуального переутомления, по пути покупал булочки и ел их в начале сеанса. Затем углублялся в фабулу фильма и постепенно отвлекался от самоуничтожения. Говорил, что на него просмотр фильма действовал как освежающий душ. Подобные психологические потрясения происходили постоянно – дважды в неделю. Он не готовил предварительных заметок для научных сообщений, считая это неправильным. По его мнению, в таком случае выступление будет пресным, неувлекательным, некреативным, не поможет будить мысль, решать актуальные проблемы. Демонстрация примитивного пересказа уже наработанного – не ранг вуза. Разуверения в кажущейся интеллектуальной несостоятельности для австрийского ученого обходились дорого. Очень тяжелой была глубокая психологическая неудовлетворенность из-за чрезвычайно высоких требований к себе, сформированной шкалы интеллектуально-творческих ценностей. Подобные переживания не прошли бесследно, существенно расшатали его здоровье. Но иначе он не мыслил роль преподавателя философии, требуемой предельной честности, ответственности по отношению к студентам. Свой образ жизни мыслитель строил соответственно так, чтобы наилучшим образом решать задачи, стоящие перед ним. Л. Витгенштейн считал, что чрезвычайно трудно быть честным лектором, постоянно противостоять идеологическому прессингу, преподавая философию по своей программе. Для такого темпа и режима деятельности было необходимо большое количество жизненных сил и умения держать удар. Нужно учитывать и непрерывную эволюцию научного и философского знания, необходимость создания новых научных и философских ценностей [5, с. 233], что сподвигает мыслителей на большую тщательность в деле и гарантированность эффективного образа жизни.

Философу в значительной мере труднее оценивать результаты своего рефлексирования, значимость сделанных открытий в силу специфичности философии как системы знаний. Она свои истины проверяет через сотни и тысячи лет (Левкипп – Демокрит, Резерфорд). В науке эксперименты, работа лабораторий, внедрение открытий в практику, отработка режима функционирования происходит значительно быстрее. Философ, мысля абстрактно, в отличие от конкретно-научного мышления ученого, в большей мере подвержен сомнениям в своих интеллектуальных способностях, возможности разрешить противоречия, обозначить грядущие проблемы и предложенные их решения. Эти постоянные переживания доходили у многих до длительных душевных терзаний, депрессий (Шопенгауэр), утраты

здоровья (Ницше). Воспринятые обществом философские откровения становились величайшей радостью и удовлетворением для мыслителя. В таком случае его образ жизни оправдывал себя.

Выводы. Атмосфера пожизненной приверженности в образе жизни созданию духовных благ, высокого чувства долга перед наукой и философией, ответственность за провозглашаемые идеи, обеспечение плодотворного уровня творчества, стремление жить высокими, а не примитивными чувствами и рациональными ранжирами требует умения отрешиться от всего, что не имеет отношения к творчеству, не заикливаться на обыденных неурядицах и бытовых конфликтах.

Существование ученых и философов в режиме постоянного доказательства своего высокого профессионализма, противостояние первозданному невежеству, царящему в социуме духовному хаосу, преследованиям завистников и злопыхателей, обязывает рыцарей научных и философских истин не терять четких этико-эстетических основ, не допускать раздвоенности души, не девальвировать мировоззренческие устои, а в полной мере реализовывать данный природой талант. Не последнее место в обеспечении всех этих задач занимает продуманно организованный образ жизни.

Литература:

1. Великие мыслители XX века / автор-сост. А. Логрус. – М. : Мартин, 2002. – 512 с.
2. Гельвеций К. Об уме / К. Гельвеций. – М. : Мир книги, Литература, 2006. – 560 с.
3. Гулыга А. В. Гердер / А. В. Гулыга. – М. : Мысль, 1975. – 181 с.
4. Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель / сост. В. П. Руднева. – М. : Прогресс, 1993. – 352 с.
5. Многомерный образ человека: комплексное междисциплинарное исследование человека / отв. ред. И. Т. Фролов, Б. Г. Юдин. – М. : Наука, 2001. – 237 с.
6. Чикин С. Я. Врачи-философы / С. Я. Чикин. – М. : Медицина, 1990. – 384 с.

[Надійшла до редакції 20.11.2015. Розглянута на редколегії 24.11.2015](#)

Рецензенти:

Доктор культурології, професор кафедри філософії та політології Харківської державної академії культури Щедрін А.Т.

Доктор філософських наук, професор, завідувач кафедри філософії та політології Харківської державної академії культури Дяченко М.В.